

Нора Георгиевна Адамян

Штопка

Санаторий был очень хороший.

В вестибюле на мраморных плитах пола стояли кадки с густо-зелеными, разлапистыми пальмами. Малиновые ковровые дорожки заглушали шаги.

Глупо, конечно, но Ксении стало приятно, когда старушка гардеробщица крикнула подручной девчонке:

— Куда ты понесла пальто на гостевые номера? Это же наша! — И приветливо обратилась к Ксении: — А вы идите себе. Номерок ваш будет постоянно триста четвертый. Запомните?

Чудесно было чувствовать себя здесь «своей», знать, что для тебя расставлены кресла, расстелены ковры, развешаны картины, знать что кто-то позаботился о твоём завтраке и обеде, приготовит тебе ванну.

Время от времени в замочной скважине появлялась записка:

«Тов. Шеремилова на прием к врачу...»

Когда Ксения возвращалась после лечебных процедур, все уже было убрано, домашние туфли спрятаны в тумбочку, дверь на балкон открыта и прославленный воздух курорта заполнял комнату.

И, городская жительница, немало повидавшая за свои тридцать шесть лет, Ксения всему удивлялась и радовалась.

А семнадцатилетняя Паша из далекого колхозного села ничему не удивлялась. Получив путевку на лечение и впервые в жизни сев в поезд, она так подготовила себя к чудесам, что появившись в графине с водой золотая рыбка и заговори она человеческим голосом, Паша приняла бы это как должное.

Ее спрашивали:

— Нравится тебе здесь?

Она отвечала:

— А чего ж нет...

— А осталась бы ты здесь совсем?

— Нельзя. Другим завидно будет...

Ксения Михайловна жила в своей комнате уже дня два, когда к ней поселили эту Пашу. Вечером вошла очень худенькая и очень бледная девушка в бумазейном, много раз стиранном платье и высоких сапогах. Она положила на стул набитую плетенку и поклонилась:

— Здравствуйте!

На минуту Ксении стало грустно, что кончилось ее безраздельное владение этой комнатой. Кончилось ощущение свободы поступков, движений и даже мыслей человека, которому не надо считаться с соседом. После шума фабрики и сложных взаимоотношений с жильцами коммунальной квартиры так отрадно было пожить одной.

Конечно, она ничем не выразила своего настроения. Улыбнулась, назвала себя, выполнила все, что полагалось для такого случая.

Паша подошла к стеклянной двери, выходящей на балкон, распустила тесемочку, связывающую тоненькие светлые косицы, провела круглым гребешком по волосам и, улыбнувшись, вдруг сказала:

— Вот, я вижу, не понравилась я тебе. Ну, это ничего. Ты не бойся, мы с тобой еще так хорошо заживем...

И тут же деловито осведомилась:

— Тыквушные семечки уважаешь? Я привезла...

Паша освоилась быстро. Дня через два у нее уже было множество знакомых среди отдыхающих и сотрудников санатория. Это она показала Ксении грузного человека с умным и озорным лицом. Несмотря на свой солидный вес, он мастерски играл в настольный теннис, легко отражая самые каверзные мячи.

— Наш директор, — пояснила Паша. — Профессор, что ль. Самый главный. Если тебе что надо — прямо к нему. Однако тут один парень денег на обратную дорогу просил, так не дал. Злой, черт!

О своей болезни Паша рассказывала так:

— Вот работаю на поле, сено, к примеру, сгребаю — и вроде все ничего; а то вдруг, скажи, ослабну, обмякну и пальчиком не пошевелю. Прямо где стояла, там и лягу. Докторша у нас определила, что это от сердечной болезни. Я и кинулась к председателю нашему. Где это видано, чтоб молодой, здоровый человек от сердечной болезни умирал? Немножко, конечно, покричала, а тогда он поехал в центр и привез мне путевку. Теперь небось поправлюсь, отработаю колхозу...

Иногда она удивляла и забавляла Ксению своими рассуждениями:

— Я как посмотрю — в городе женщинам куда труднее. Вот ты, Ксения Михайловна, такая из себя красивенькая, самостоятельная, а никто тебя замуж не берет. А у нас хоть самую завалющую — обязательно просватают. Была б ты наша, деревенская, любой мужик тебя взял бы. Да еще с каким удовольствием!

Ксения смеялась:

— Поехать, что ли, в твою деревню!

Но бесхитростные слова Паши чем-то задевали.

Ее брак, по первой, полудетской любви, был очень короткий. Мальчик, с которым она училась в школе, пришел в один из трудных военных дней и сказал: «Меня направляют в военное училище. Через несколько месяцев пойду на фронт. Ты любишь меня?»

Они стали мужем и женой за день до его отъезда. Потом он приезжал раза два, то после ранения, то в короткий отпуск. В каждый приезд он был другой — возмужавший, переменившийся, — и к нему приходилось привыкать заново. Война шла к концу. На подступах к Берлину он погиб.

С тех пор Ксения одна.

Подруги ей говорили: «Молодая, красивая, инженер... Чего тебе еще надо? Стоит только захотеть...»

Но у подруг были семьи, росли дети, а Ксения возвращалась в тихую комнату. Чашка, которую она утром оставила на столе, так и стояла, белый шерстяной платок валялся там, где она его бросила. И было грустно.

Работу свою она любила.

Над всей улицей, где стояла фабрика, реял запах ванили и жженого сахара.

Этот запах встречал Ксению каждое утро и заставлял прибавлять шаг.

«Кондитерская фабрика — женский монастырь», — пели молодые работницы.

На фабрике каждый год устанавливали новое оборудование, на следующий год — новейшее, и так без конца. Усовершенствовались машины. Нельзя было не восхищаться автоматом, заворачивающим в две бумажки восемьсот конфет в минуту.

Ксения восхищалась и изобретала возможность заставить машину заворачивать тысячу конфет.

А дома были книги, рукоделие, бессонница. С какого-то времени, точно наболевший синяк, ныло сердце. Врач сказал: «Вам бы поехать подлечиться, да похудеть не мешает».

В месткоме достали ей путевку. Работницы, карамельного цеха, с которыми Ксения особенно дружила, напутствовали ее: «Вот, может, на курорте и встретите свою судьбу», «А что, и вправду. Сколько хочешь таких примеров бывало!»

Ксения смеялась, отмахиваясь, и думала: «А вдруг?»

...В санатории она связывала свои золотистые волосы пышным узлом, подкрашивала губы, освежала свои темные платья то белой прозрачной вставкой, то ярким платочком, то брошкой из уральских самоцветов. Мужчины поворачивали за ней головы, женщины оглядывали с любопытством.

А Ксения верила: «Если он здесь, я его сразу узнаю».

В санатории люди живут одной большой семьей. Легко знакомятся, свободно заговаривают друг с другом. Ксения любила медленно проходить по длинному холлу, ведущему к столовой. Разбившись на группы, отдыхающие беседовали, спорили, смеялись. Горбоносые смуглые бакинцы-нефтяники, украинские сталевары с опаленными бровями, шахтеры, летчики — кого тут только не было!

Пользуясь свободой санаторной жизни, Ксения подходила к какой-нибудь группе и вставляла в разговор свое слово:

— А вот на нашей фабрике поточная линия введена с пятьдесят третьего...

И обязательно находился человек, которому это было интересно. Здесь собрались на отдых хорошо и много работающие люди.

Женщины знакомились еще легче. В ожидании ванны, лечебного душа, приема у врача они рассказывали о себе.

— И ведь не ем ничего, а толстею, — жаловалась пожилая учительница. — Ну, утром два кусочка хлеба, кофейку выпьешь. На завтрак в буфете бутерброд возьмешь. Обедаю тоже как все люди. Хлеба, говорят, нельзя. А как же без хлеба?

— Ну, я не могу себя ограничивать, — возмущалась другая, — работаешь, работаешь, да и в отпуск себя не побаловать. Как увижу в столовой у всех пирожное, а у меня на тарелке яблоко, так меня прямо за сердце берет. Тут же посылаю мужа в город за пирожными. И уж не одно съем.

И Ксения вставляла свое слово:

— А меня орехи губят. Беда на кондитерской фабрике работать! Конфет я уж не ем, а от орехов удержаться не могу...

Физкультурой женская группа занималась после мужчин. И каждый день, выходя из спортивного зала, перед Ксенией останавливался высокий человек и, оттопыривая пиджак, сообщал:

— Вот видели? За десять дней — восемь кило. Хотите, открою секрет?

— Не верьте ему, — шептала сидевшая рядом с Ксенией женщина, — врет он все.

Через день незнакомец снова хвастался:

— Уже десять кило потеряно.

— Таким путем вы скоро совсем исчезнете, — отвечала Ксения.

Он немного подумал.

— Это вы бросьте. В нашей стране человек исчезнуть не может.

Ксения рассмеялась. Он внимательно посмотрел на нее и сказал:

— А вы веселая. — И представился: — Василий Ефимович.

После обеда он подждал Ксению у вешалки. Вместе вышли на прогулку.

От самого санатория, изгибаясь серпантином, дорога вела в гору. За каждым поворотом все шире открывалась долина, обрамленная серыми округлыми горами. Прозрачный воздух делал четкими очертания дворцов-санаториев, многоэтажных домов, маленьких белых хаток.

В горах на желтой высохшей и спутанной траве, на лапах невысоких сосен лежал снег. Он долго не таял, несмотря на солнце и тепло.

Декабрь стоял мягкий.

Спутник Ксении говорил забавные вещи:

— Не люблю чересчур умных женщин. Вот вы мне сразу понравились.

Ксения хохотала:

— Это комплимент?

Он уверенно взял ее под руку:

— Я такими глупостями не занимаюсь — комплименты говорить.

На верхушке холма, у камней, живописно обрамляющих откос, пристроился фотограф. Безразличным голосом он предлагал проходящим:

— А ну, сфотографируемся на память.

Василий Ефимович счел нужным ответить ему:

— Это кому ж на память? Моей жене или ее мужу? Нет уж, фотографироваться мы не будем. Эти вещественные доказательства нам ни к чему.

Он нагнулся к Ксении:

— А вот в ресторан мы с вами пойдем. Тут недалеко шашлычок делают. После санаторной преснятины — хорошо!

Ксения загрустила. Ей захотелось высвободиться, но Василий Ефимович еще крепче прижал к себе ее локоть.

— Я, конечно, всякой такой ревности не признаю. Но если проводить время вместе, то чтоб третьих лишних не было.

— А не то вы за себя не ручаетесь? — не вытерпела Ксения.

— Нет уж. Я за себя всегда могу ручаться, — твердо заверил ее Василий Ефимович.

Паша появилась как спасение. Она налетела сзади, оторвала Ксению от ее кавалера, протащила вперед и толкнула на опушенную снегам сосну.

Гуляла Паша в компании женщин, повязанных пуховыми платками.

— Это тетя Катя из нашего санатория, — тараторила она, — это Люба из «Горных Вершин»...

Ксению она представила коротко:

— Подружка моя.

И, взглянув на подходившего Василия Ефимовича, который был явно рассержен, шепнула Ксении:

— Ну его! Айда с нами.

Они побежали вперед изо всех сил, а потом долго гуляли всей компанией и пели хором:

По Дону гуляет казак молодой...

На другой день Василий Ефимович сопровождал другую даму.

Тоненькая, гибкая, как пружина, физкультурница Таня говорила:

— У нас ведь проходной двор. Приехал, отдохнул, уехал. И приглядываться к ним не стоит.

Ксения думала, что в санатории у нее будет много свободного времени. Но рукоделие, которое она привезла с собой, так и валялось в ящике. Весь день был расписан: процедуры, прогулки, а после пяти развлечения — кино, концерты или вечера «всего понемногу» с танцами, играми, которые проводил веселый, улыбающийся, напряженно работающий культурник.

А потом была еще библиотека. Комната, яркая от пестрых обложек журналов, от разноцветных книг, от розовых цикламенов, цветущих на широком подоконнике. У круглых столов, заваленных газетами, сидели постоянные посетители. Шелестели страницы, библиотекарша говорила шепотом.

Ксения бывала здесь так часто, что заметила «постоянных» — сухощавого старичка, высокого сутулого человека в шерстяном жилете, крупную женщину с усталым лицом, толстяка в зеленом модном костюме с узенькими короткими брюками.

Эти люди не играли в козла и подкидного дурака, не прыгали у волейбольных столбов. Когда бы Ксения ни приходила в библиотеку, они вечно сидели в креслах, погруженные в чтение.

Одного из них, человека в красивом шерстяном жилете, Ксения встретила как-то на лестнице. Он стоял у огромного, во всю стену, оконного стекла, всматривался в лиловое вечернее небо и улыбался. Неслышно ступая, Ксения прошла мимо, но человек сказал ей, не отрывая глаз от окна:

— Нет, вы посмотрите только...

Сперва Ксении показалось, что за окном, прижавшись мордой к стеклу, сидит кошка. Потом она увидела, что это птица с огромными немигающими желтыми глазами и кошачьими ушками.

— Крупная сплюшка, — посмеиваясь, сказал человек в жилете, — и подумайте, какая умница — прекрасно знает, что отсюда я ее не достану.

Он коснулся пальцем стекла. Птица чуть повернула голову.

Ксения поежилась.

— Неприятная все-таки. Откуда она взялась?

— Живет где-нибудь под крышей. И почему неприятная? Уничтожает всякую пакость — мышей, насекомых. И очень сообразительная и легко приручается. Перечисляя достоинства совы, он ни разу не взглянул на Ксению. Вероятно, даже не знал толком, с кем говорит. Ксении это не понравилось.

— Вы так хорошо знаете ее привычки, будто лично с ней знакомы.

— Знаком, знаком...

Он сказал это рассеянно, не поворачивая головы. И Ксения оставила его наедине с птицей.

А потом произошел случай с Пашей. Несколько раз девушка жаловалась:

— Ведь правда, Ксюша, самое главное — нарзановая ванна? А доктор объясняет, что мне от нее вред будет. Он считает, что я чересчур слабая. А я, знаешь, какая терпеливая...

Проснувшись в день ванны, Ксения не нашла на месте своей курортной книжки. Она хорошо помнила, как сама положила ее на тумбочку, чтоб утром все было под рукой.

Паша, которая по привычке поднималась с зарей, уже убежала.

После тщетных поисков Ксения пришла в лечебный корпус с опозданием. У столика сестры, распределяющей ванны, как всегда, толпились отдыхающие. Ксения начала объяснять, что книжка куда-то затерялась, а ванна у нее в семь двадцать, так нельзя ли без книжки...

Молоденькая сестра строго спросила:

— Фамилия? — И, заглянув в большой разграфленный лист, недовольно сказала: — Что же вы меня путаете, гражданка? Получили вы уже свою ванну.

— Как?

— Ну вот, отмечено — Шеремилова в семь часов.

Ксения вдруг поняла.

— Ох, это девочка, что живет со мной в комнате, взяла мою книжку...

Сестра стала нервничать:

— Я ведь не знаю всех в лицо. Вас триста человек. Пройдите к врачу, если хотите.

Тогда стоявший рядом с Ксенией человек опросил с нескрываемой враждебностью:

— Неужели вы так уж дорожите этой ванной? Ведь девушку отчислят из санатория, если вы пожалуетесь.

Ксения растерянно возразила:

— Дело не в ванне...

— Ну да, спасительный священный принцип, — усмехнулся он.

Резко отвернувшись, Ксения заговорила, обращаясь только к сестре:

— У Паши Федюниной порок сердца. Ей нарзанные ванны запрещены.

Сестра вскочила:

— Сейчас я посмотрю...

Но в это время, стуча сапогами по мраморному мозаичному полу, появилась Паша. Лицо ее сияло.

— Ну, спытала я нарзановую. Против жемчужной не тянет. Куда! Здесь пузырьки махонькие, а там аж как вишня на тело садятся. Держи-ка свою книжку. Не серчай на меня.

Ксения потащила ее к выходу.

— Ты просто глупая! Теперь целый день будешь лежать.

Сестра, довольная, что происшествие не дошло до начальства, скороговоркой вызывала:

— Николаев Сергей Петрович, восьмая кабина, возьмите жетон.

Ксения на миг обернулась. Только сейчас она вспомнила: это ведь Николаев показал ей сову.

К концу обеда он подошел к ее столику:

— Мне нужно извиниться перед вами. Я был неправ.

Ксения с интересом смотрела на него. Он повторил:

— Я ошибся. Простите. Знаете, есть люди, которые ни за что не позволят ущемить свое право на ванну, на конфету, на место в трамвае. Это отвратительно.

— Ну да, конечно, — подтвердила Ксения, — то ли дело совы. Они умные, полезные, симпатичные.

Сергей Петрович вспомнил:

— Верно! Ведь тогда были вы...

— Нет. Тогда была сова. Я оказалась только свидетельницей вашего романа.

После обеда они гуляли вдвоем, и на другой день они гуляли вдвоем, сидели рядом в кино, ходили вместе в город.

Соседки Николаева по столику в столовой удивлялись:

— И когда это он успел... Такой тихий был... Слова из него не выжмешь...

А Сергей Петрович рассказывал Ксении, как он ездил в Африку покупать обезьян для зоопарка, и вождь одного племени обязательно хотел в виде дополнительной нагрузки продать ему девушку или на худой конец двух мальчишек.

Чуть улыбаясь, Николаев представлял в лицах, как ему пришлось бы проводить эту покупку в бухгалтерии зоопарка, что сказал бы местком, как реагировала бы общественность.

Улыбка совершенно меняла его строгое лицо. Оно становилось добрым и открытым.

Ученый зоолог, он много ездил по свету и умел рассказывать.

На прогулках за ним неотступно ходили большие псы, которых он безнаказанно гладил, трепал, хватал за морды, опрокидывал на снег.

Сутулый, неприметный, на висках седина. Ксения думала: «С ним приятно, потому что он умный, тактичный, много знает. А как мужчина он понравиться не может».

Но каждый день, затягивая обед, ждала, что Сергей Петрович подойдет к ее столику и спросит: «Вы не возражаете против совместной прогулки?»

Они сворачивали с обычного маршрута, уходили по узкой тропе туда, где подымались покатые серые глыбы гор, изрытые пещерами.

Ксения заглядывала ему в лицо.

— Не пойму — сердитые у вас глаза или грустные?

— Разве? Это обманчиво. Мало людей, которые так, как я, радуются жизни. Дважды я тонул. Раз меня чуть зверь не задрал. Потом ранение под Ельней, ранение под Сталинградом, под Варшавой. Надо пройти через это, чтобы понять, какое счастье — жизнь!

Ксения запротестовала:

— Вот уж нет! Я не тонула, меня не убивали. И все же...

— Вы — сама жизнь! — перебил ее Николаев.

Ксения вспоминала эти слова и улыбалась. Паша смотрела на нее искоса. Вечером промолчала, заговорила только рано утром, когда обе они еще лежали.

— Я тебя вчера печалить не захотела. Но ты, Ксенечка, никому не верь. Они здесь все холостые. А дома небось у каждого жена.

— Да ну? У кого же, например?

— Будто не догадываешься? У твоего ухажера. Женатый он. Это я точно вызнала.

— Пашенька, все известно. И я его отбивать у жены не собираюсь. Поняла?

— Ври-ка! Если уж знаешь, стало быть собираешься. Как же еще отбивают-то?

Ксения не думала о том — женат Николаев, неженат? Если б она его полюбила, то, наверное, боролась бы за свое счастье. А полюбить было легко. Она поняла это, когда днем, в библиотеке, не ожидая встретить здесь в часы процедур Сергея Петровича, вдруг увидела его темную с проседью голову. Он читал, и Ксения, делая вид, что выбирает книгу, долго смотрела на сухощавую руку с длинными пальцами, на прямые сдвинутые брови, на морщинки лба.

Разве в ее возрасте можно встретить свободного человека? И разве можно прожить на земле, никого не обидев? Для чего Ксении считаться с женщиной, которую она не знает? Ведь такое может больше никогда не повториться...

Выходила Ксения на цыпочках, но поняла, что Сергей Петрович ее увидел. Резко скрипнуло кресло. Сбегая по лестнице, Ксения услышала, как в библиотеке за кем-то захлопнулась дверь. В холле она спряталась за большим креслом. Было жутко и радостно — как в детстве при игре в прятки.

Сергей Петрович прибежал, огляделся, кинулся в коридор, вернулся и, перепрыгивая через ступеньки, помчался вниз.

Ксения поднялась красная, с бьющимся сердцем. Теперь она знала — все зависит от нее.

После пяти часов наступало уютное время. Зажигались огни. На третьем этаже раздвигали мебель и одетый по последней моде учитель танцев, трижды хлопнув в ладоши, начинал урок:

— Раз, два, три... Дамы вперед, дамы вперед... Кавалеры назад... Ангелина Леопольдовна, прошу!

Старенькая, сгорбленная пианистка резво ударяла по клавишам, но тут же замолкала, остановленная повелительным окриком:

— Каменный век! Вальса танцевать не умеют!..

А на четвертом этаже никого не было. Горели матовые лампы. Вальс и аргентинское танго доносились сюда, облагороженные расстоянием.

Они сидели, разделенные небольшим круглым столиком, и тихо разговаривали. У них уже появились общие воспоминания, и Ксения, зная, что виноватый мужчина делается покорным, уверяла, что в лечебном корпусе Сергей Петрович готов был ее побить.

Ей было приятно, что этот серьезный, суховатый мужчина пугается и краснеет, когда она дотрагивается до его руки.

— И совы никакой не было. Все выдумки, чтоб соблазнить бедную вдову...

Она негромко смеялась.

— Нет, сова была. Эта птица по преданиям вещает или горе, или счастье. И я еще не могу понять, что же она нагадала. Знаю только, что для меня все это не просто.

Ксения отвела взгляд от его лица, чтоб не вызвать слов, время которых еще не пришло.

Прищурившись, она видела галстук, воротничок рубашки, рассматривала переплетение серо-голубых ниток жилета.

И тут она заметила штопку.

Обыкновенную штопку, сделанную очень тщательно, даже искусно. Почти по всему старенькому жилету то там, то тут иголка старательно повторяла рисунок вязки.

И до сих пор Ксения знала, что у Сергея Петровича есть жена. Но сейчас она будто увидела ее — живую женщину с умелыми и любящими руками.

Ксения отчетливо представила себе, как эта женщина подбирала нитки, считала каждый стежок и, отодвигая работу, щурила глаза — заметно? Нет, совсем незаметно...

Наверное, она делала это вечером, вернувшись с работы. Ведь столько дел ждет женщину после работы!

Сергей Петрович что-то говорил о поездке на дальний Север, которая ждет его после отпуска, а Ксения думала о своем.

Теперь в едва приметных мелочах она все больше и больше ощущала присутствие близкого Сергею Петровичу человека.

Плетеная закладка в его книге, аккуратность уже не нового костюма, белоснежный накрахмаленный платок.

И если бы только это! Но сказанные им когда-то мельком фразы оживали в памяти Ксении: «Диккенса я раньше не любил, его мне открыла жена». И еще: «Жена моя просто панически боялась животных, а теперь даже змей берет в руки. Привычка!»

Нет, не привычка. С чего бы это ей привыкать к змеям! Не привычка это, а любовь.

Был бы жив муж Ксении — верно, также вникала бы она в его интересы, заботилась о нем, собирала бы его в дорогу.

Внизу кто-то кричал:

— Юленька, займите мне место в кино...

Сергей Петрович тоже хотел пойти в кино. Но он сидит здесь и смотрит на Ксению восторженными глазами.

Ох, дай она себе волю — горько будет другой женщине!

Господи! Разве ж совсем ушли ее годы? Или только и осталось ей — силой и хитростью отнимать чужую любовь? Может, дождется еще она своей, не омраченной ни чьим горем судьбы.

И мысленно Ксения обратилась к далекой жене Сергея Петровича: «Живи спокойно. Ничего не будет. Вернется целый, невредимый...»

Чуть лукаво она сказала:

— А ведь совы-то не было, Сергей Петрович.

Он настороженно поднял глаза.

— Как это?

— Да так. Не было. И ничего она нам с вами не предсказала. Ни горя, ни счастья... Ничего.